

Ю. Г. Крепский

Республиканский институт высшей школы, Минск

Yu. G. Krepsky

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 37(476)(091)»19»

ВКЛЮЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ОБЩЕРОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ (1824–1863 ГГ.)

INCLUSION OF DOMESTIC EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE ALL-RUSSIAN EDUCATION SYSTEM (1824–1863)

Представленная статья посвящена проблеме включения отечественных учебных заведений в общероссийскую систему образования в период 1824–1863 гг. Особое внимание акцентируется на проблеме функционирования Виленского и Белорусского учебных округов в структуре общегосударственной системы образования. Осуществляется анализ деятельности отдельных учреждений, содержания учебных программ и организации учебно-воспитательного процесса как отражения специфики реализации государственной образовательной политики в крае. Автором делается вывод относительно влияния представленной политики на процессы интеграции отечественной школы в общероссийскую систему образования.

Ключевые слова: Система образования; учебная программа; народные училища; Виленский учебный округ; Белорусский учебный округ; школьный устав; монашеские школы.

The presented article is devoted to the problem of inclusion of domestic educational institutions in the all-Russian education system of the second third of the 19th century. Particular attention is focused on the problem of functioning of the Vilnius and Belarusian educational districts in the structure of the national education system. The analysis of the activities of individual institutions, the content of educational programs and the organization of the educational process as a reflection of the specifics of the implementation of state educational policy in the region is carried out. The author draws a conclusion regarding the influence of the presented policy on the processes of integration of the domestic school into the all-Russian education system.

Key words: Education system; curriculum; public schools; Vilnius educational district; Belarusian educational district; school regulations; monastic schools.

Специфика процесса включения отечественных учебных заведений в общероссийскую систему образования в период второй половины 1820-х – начала 1860-х гг. раскрывает сущность интеграции отечественного школьного дела в российскую культурно-образовательную среду. Рассматриваемое явление обладало рядом особенностей, которые проявлялись в зависимости от изменений государственной политики в области народного просвещения в западных губерниях.

Отдельные проблемы функционирования отечественных учебных заведений и специфика государственной политики в сфере образования рассматриваемого периода уже становились предметом исследования в исто-

риографии. Особого внимания заслуживают работы дореволюционных авторов – С. Рождественского и Ю. Крачковского [1; 2]. В них акцентировано внимание на отдельных аспектах государственной политики в сфере народного просвещения, специфике ее реализации в Виленском учебном округе. Также к представленному кругу историографических источников следует отнести работу Е. Орловского, посвященную истории Гродненской гимназии, и труд А. Миловидова, раскрывающий проблему участия молодежи западных губерний в восстании 1863–1864 гг. [3; 4].

Тема включения отечественного образования рассматриваемого периода в общероссийскую систему народного просвещения нашла отражение и в советской историографии. Здесь особого внимания заслуживает работа В. Поссе, хронологически охватывающая первую половину XIX в. В ней автор, опираясь на широкую источниковую базу, характеризует особенности осуществления государственной политики в сфере образования в западных губерниях [5].

Рассматриваемая проблема нашла отражение и в работах современных отечественных исследователей. Различные аспекты государственной политики в области образования данного периода становились предметом исследования А. Самусика, А. Кузнецовой, Л. Игнатовец и др. [6–8].

В процессе изучения проблемы становления государственной политики в деле народного просвещения в западных губерниях, заслуживают внимания опубликованные исторические источники, отражающие специфику развития системы образования представленного периода. К таковым, прежде всего, необходимо отнести трехтомный Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения и Полное собрание законов Российской империи [9; 10].

Представленная исследовательская тема располагает широкой базой архивных источников. При подготовке данной статьи использовались материалы фондов Национального исторического архива Беларуси в Минске и Гродно.

Несмотря на значительное количество опубликованных работ, посвященных проблеме развития народного просвещения рассматриваемого периода, вопрос выделения и определения специфики различных этапов интеграции отечественного школьного дела в общероссийскую систему образования в представленный период еще не становился отдельным предметом исследования. Данное обстоятельство определяет актуальность предложенной работы.

Начиная со второй половины 1820-х гг. положение отечественных учебных заведений в общегосударственной образовательной системе Российской империи претерпевает значительные изменения. На смену полонизации местной школьной среды, осуществляемой в начале XIX в., приходит

усиление культурных и образовательных традиций, ориентированных на укрепление самодержавной политики в регионе. Так, в 1824 г. Попечителем Виленского учебного округа был назначен Н. Н. Новосильцев, сменивший на этой должности Адама Чарторыйского. Новое руководство округа усиливало полицейский надзор за учебными заведениями, стремилось осуществлять преобразования, направленные на ликвидацию относительной автономности учебных заведений округа. Осуществлялась корректировка учебных планов гимназий, увеличивался объём преподавания русского языка [11, с. 35]. В октябре 1824 г. учебные заведения Могилевской и Витебской губерний были подчинены Петербургскому учебному округу. Данное решение было принято после доклада генерал-губернатора Н. Хованского, содержавшего критику состояния школьного дела в регионе. Чиновник отмечал недостаточный уровень владения русским языком как выпускников, так и преподавателей учебных заведений [7, с. 136]. Тем не менее, видится необходимым отметить, что официальное присоединение Витебской и Могилевской губерний к Петербургскому учебному округу еще не свидетельствовало об полной унификации отечественного школьного дела и завершении интеграции в общероссийскую систему образования. Учебные заведения востока Беларуси на практике получили полную независимость от Петербурга и фактически подчинялись местным администрациям. Министерство народного просвещения, тем не менее, планировало сохранить свое влияние на местные училища, которое становилось особенно необходимым после принятия в декабре 1828 г. нового школьного устава. Действие представленного документа первоначально не распространялось на Виленский и Дерптский учебные округа [12, л. 2–13].

Для реализации основных положений нового школьного устава на местах была необходима централизованная система управления училищами. С целью выполнения данной задачи, 17 января 1829 г. был образован отдельный Белорусский учебный округ [9, с. 271–273]. В подчинение округу вошли учебные заведения Могилевской и Витебской губерний, а в 1831 г. в его состав включались заведения Минской губернии. Указом от 3 августа 1829 г. попечителем Белорусского учебного округа был назначен статский советник Г. И. Карташевский. Руководство учебного округа осуществляло комплексные мероприятия, направленные на устранение специфических черт функционирования местных учебных заведений, усилило контроль над монашескими школами [8, с. 15; 6, с. 13].

Негативное отношение Попечителя нового учебного округа к монашескому образованию в крае проявилось сразу после вступления в должность. В одном из первых своих рапортов, он категорично заявлял о необходимости коренной реорганизации данных школ или даже их полной ликвидации, так как монахам «государственная польза чужда» [13, л. 9]. Тем не менее, осуществить задуманное Г. И. Карташевский планировал постепенно, учи-

тывая объективные обстоятельства сложившиеся в системе школьного образования в это время. Такое решение было принято ввиду нехватки светских преподавателей и средств для содержания альтернативных монашеским учебным заведениям. Первоначально школы духовных орденов должны были изменить свои образовательные программы – согласно с курсами светских школ соответственного типа [14, л. 1–5]. Цель подобного проекта была очевидна – правительственные власти не ликвидировали монашеские школы ввиду отсутствия подходящей альтернативы. Функционирование последних не удовлетворяло администрацию новообразованного учебного округа, но виделось возможным при условии организации жесткого контроля над их деятельностью [15, л. 13].

Важную роль в реорганизации местной системы просвещения имел императорский указ «Об устройстве Белорусских училищ» от 9 сентября 1830 г. В соответствии с представленным документом местные уездные училища объявлялись отделениями гимназий, воспитанники которых могли поступать в университет, а при гимназиях создавались пансионы для шляхты, что должно было повысить их престиж в сравнении с монашескими школами. Помимо этого предусматривалась замена местных учебных пособий на присланные из России, для чего выделялись соответствующие средства [13, л. 4–20]. Отдельное внимание руководство Белорусского учебного округа уделяло начальному образованию, которое планировалось целиком перевести на русский язык с более широким внедрением ланкастерского метода обучения [16, л. 3–4]. Тем не менее, осуществление предложенных мер по реорганизации учебных заведений Белорусского учебного округа сталкивалось с рядом существенных проблем. Особенно четко представленное обстоятельство проявилось в начале 1831 г., когда в структуру учебного округа была включена Минская губерния. Средства, необходимые для перестройки учебного процесса, выделялись из казны нерегулярно. Помимо этого, существенной проблемой для администрации округа являлся вопрос поиска лояльных преподавателей, которых в западных губерниях не хватало [1, с. 197; 5, с. 14].

Представленные выше проекты реорганизации отечественного школьного дела, в большинстве своем, так и не будут реализованы ввиду начала восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Его начало наглядно продемонстрировало правительству, что принятые в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. мероприятия по трансформации отечественных учебных заведений и структуры управления над ними недостаточны и нуждаются в существенной корректировке. Так, царские власти предприняли попытку усиления репрессивной политики в местной образовательной среде. Уже в ноябре 1830 г. вводился запрет на въезд на территорию Царства Польского для студентов Виленского университета, а также жителям Гродненской губернии запрещалось отправлять своих детей для учебы в Варшаву [17, л. 2–4; 18, л. 1–2]. Помимо этого устанавливался полицейский надзор

за студентами и воспитанниками гимназий, которые отправлялись на рождественские каникулы. Несмотря на принятые меры, студенты Виленского университета, учащиеся гимназий и уездных училищ вместе со своими преподавателями присоединялись к повстанцам, а иногда и формировали отдельные отряды [19, л. 27–55].

Очевидно, что изложенные выше обстоятельства коренным образом повлияли на взгляды представителей российского правительства на вопрос поиска путей реформирования системы образования в западных губерниях. Идея о ее постепенной реорганизации с учетом местных особенностей была отвергнута, укрепилась концепция полной интеграции отечественной системы народного просвещения в общегосударственную образовательную модель в сочетании с ускоренной деполонизацией. Исходя из представленной позиции, в марте 1831 г. император потребовал от Министерства народного просвещения начать упразднение монашеских учебных заведений, а также перевести преподавание во всех школах Белорусского учебного округа на русский язык [3, с. 271; 9, с. 425–426; 10, с. 514–527].

Новые подходы властей к вопросу организации народного просвещения в западных губерниях окончательно утвердили указы от 1 мая 1832 г., которые провозгласили ликвидацию Виленского учебного округа, закрытие университета и значительной части монашеских учебных заведений [9, с. 475–478]. Место упраздненных учебных заведений должны были занять светские учреждения образования, создаваемые за счет конфискованного имущества орденских школ.

Следующим шагом властей стало введение, согласно указу от 3 января 1834 г., Школьного устава 1828 г. в учебных заведениях Виленской, Гродненской и Минской губерний. Представленный документ фактически нивелировал многие особенности местного школьного образования, открывал путь к ускоренной интеграции отечественного просветительского дела в общероссийскую систему образования [20, с. 482–491].

В свою очередь, что касается польского языка, то его преподавание сохранилось только в Центральной и Западной Беларуси, где на его изучение в гимназиях и уездных училищах отводилось 16 часов в неделю, а в начальных классах предусматривалось чтение на польском языке. На востоке Беларуси 14 октября 1836 г. был утвержден отдельный школьный устав, который и вовсе не предусматривал должность преподавателя польского языка в местных учебных заведениях.

В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. учебные заведения на белорусских землях, в соответствии с мнением властей, практически не отличались от школ в других регионах Российской империи. Так, министр народного просвещения С. Уваров в докладной записке Николаю I утверждал, что вопрос утверждения русского языка в образовательной среде западных губерний фактически решен [21, с. 38].

Начало правления Александра II привнесло новые веяния в отечественную систему народного просвещения. В западных губерниях открывались новые гимназии, был сделан шаг для расширения начального образования среди крестьян. Так, к 1860 г. на белорусских землях было основано более сотни новых школ для крестьянских детей [22, с. 192]. Усиливался интерес и к профессиональному образованию – в гимназиях открывались специализированные агрономические и землемерно-таксаторские классы. Плодотворно работал Горы-Горецкий земледельческий институт, организованный в 1848 г. на базе созданной ранее земледельческой школы. Представленное заведение привлекало на учебу молодежь со всей империи. Земледельческий институт, безусловно, не мог в полной мере компенсировать отсутствие в регионе такого многопрофильного учебного заведения как университет. После закрытия Виленского университета местные жители вынуждены были получать образование в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга, реже – за границей. Данное обстоятельство положило начало оттоку из региона лучших интеллектуальных сил, в том числе и научных.

Тем не менее, не смотря на правительственные усилия в деле интеграции отечественной системы просвещения в общегосударственную модель, которые осуществлялись в соответствии с принципами «самодержавия, православия, народности», полной ликвидации антироссийских настроений среди учащихся добиться не удалось. Свидетельством этого станет активное участие воспитанников различных заведений в восстании 1863–1864 гг. Так, в течение 1863 г. из учебных заведений края будет отчислено более двух тысяч человек. При этом в школах отмечались волнения, которые препятствовали осуществлению учебного процесса [4, с. 9–11]. После подавления основных очагов восстания процесс русификации отечественного школьного дела значительно усилился. Были предприняты действия по изменению национального и конфессионального состава штата преподавателей в западных губерниях, что на практике будет осуществляться через привлечение педагогических кадров из центральной России. Существенные изменения претерпел и характер обучения. Так, руководством учебного округа перед местными руководителями гимназий и училищ ставилась задача: «Стремиться с неуклонным постоянством и участием к тому, чтобы русский элемент занял по праву принадлежащее ему место и стал господствующим не номинально, но на самом деле» [3, с. 67].

Таким образом, рассматриваемый период истории отечественного образования отличался значительным ускорением его интеграции в общегосударственную систему народного просвещения. Анализируемый процесс имел свои характерные особенности в зависимости от периода и внутренней политической конъюнктуры. Так, вторая половина 1820-х гг. отличалась поступательной деполонизацией местной системы образования, осуществ-

ваемой с учетом текущих реалий. Восстание 1830–1831 гг. вынудило правительство ускорить данный процесс, прибегая к кардинальным мерам, что нашло отражение в принятии решений о ликвидации Виленского учебного округа, закрытии университета и постепенном упразднении монашеских учебных заведений. Выстраиваемая в западных губерниях образовательная модель подверглась унификации и к концу 1830-х – началу 1840-х гг. практически не отличалась от общероссийской.

Образовательный процесс, осуществляемый в учебных заведениях на белорусских землях в 1840–1850-х гг., был ориентирован на воспитание подрастающего поколения в духе верности самодержавию и в полном соответствии идеологии триединства. В рассматриваемый временной период расширилась сеть начальных учебных заведений, ориентированных на детей из низших сословий. Активизировалось развитие профессионального образования, что проявилось в открытии специализированных классов при гимназиях и деятельности отдельного земледельческого института.

Интеграция отечественного школьного дела в общероссийскую систему образования вступит в завершающую стадию после подавления восстания 1863–1864 гг. Представленный период отличался ужесточением государственного контроля над сферой образования и продолжением политики русификации.

Список использованных источников

1. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. – 788 с.

2. *Крачковский, Ю. Ф.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа. 1803–1903 / Ю. Ф. Крачковский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 565 с.

3. *Орловский, Е. Ф.* Исторический очерк Гродненской гимназии / Е. Ф. Орловский. – Гродно: Тип. Губернского правления, 1901. – 120 с.

4. *Миловидов, А. И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А. И. Миловидов. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1904. – 39 с.

5. *Поссе, В. С.* Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Поссе // АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1963. – 20 с.

6. *Самусік А. Ф.* Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у 70-х гадах XVIII – 30-х гадах XIX стагоддзяў: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. / НАН РБ. Ін-т гісторыі. – Мінск, 1998. – 18 с.

7. *Кузнецова, А. В.* Создание Белорусского учебного округа / А. В. Кузнецова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 135–139.

8. *Игнатовец, Л. М.* Белорусский учебный округ: система управления / Л. М. Игнатовец // Ученые записки: сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – 2011. – Т. 12. – С. 12–20.

9. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 3 т. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1875–1876. – Т. 2. – 1875. – 1864 с.

10. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1867. – Т. 6. – 846 с.

11. *Крепский, Ю. Г.* Учебные округа на территории Беларуси в 1803–1864 гг. / Ю. Г. Крепский // Социально-гуманитарные знания: материалы XX Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 35–36.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 320. Оп. 1. Д. 101.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 9.

14. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 102.

15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 84.

16. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2273. Оп. 1. Д. 5.

17. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 842.

18. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 991.

19. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ). – Ф. 4. Оп. 1. Д. 207.

20. Дополнения к сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1867. – 1096 с.

21. Десятилетие Министерства Народного Просвещения. 1833–1843. Докладная записка министра народного просвещения царю от 1843 года. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академии Наук, 1864. – 161 с.

22. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / У. С. Пасэ, Г. Р. Сянкевіч, М. А. Ткачоў, А. В. Трухан [і інш.]; пад рэд. М. А. Лазарука [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.

(Дата подачи: 26.02.2025 г.)